

Пять вечеров Встреча вторая. Под большим рязановским абажуром

— Эльдар Александрович, наш первый вечер у камина («Рязанов и планета», 30.03.2001. — Ред.) имел определенный успех. Вот вам комплимент от писателя Алексея Евтушенко: «Новая рубрика не просто порадовала — я этот материал буквально проглотил. Уверен, что подобная рубрика необходима нам всем как чистый воздух, ключевая вода и хорошие стихи. Общение с такими людьми, как Эльдар Рязанов, заставляет верить, что не все еще потеряно в этой жизни. Я и раньше регулярно читал «Известия», а теперь с особым нетерпением буду ждать пятницы». Есть еще целая поэма от моего коллеги из Ставрополя, журналиста Сергея Сутулова-Катеринича. И первая строфа касается непосредственно вас:

Разини Рязани и Сызрани,
Разите старье телевизоров!
Прощайте, вампиры и бестии,
Кумиры «каминя» в «Известиях».
Рабле отдыхает... Осанна вям,
Рязанов Эльдар Александрович!
Нина Коновалова из Москвы пылко благодарит и то же обещает ждать пятницы, причем опять же с нетерпением. Уже пятница. Надо не обмануть ожиданий.

— Так вот насчет Рабле... Как-то мы ехали на съемку «Парижских тайн» и, проезжая вдоль набережной Сены, увидели несколько кораблей на причале. Знаете, как они назывались? «Брижит Бардо», «Жан Габен», «Жанна Моро»!.. Я подумал: вот молодцы французы! Но почему у нас-то по Москве-реке плывут какие-то номерные 7-38 дробь-био, и никому в голову не придет их назвать «Алла Ларионова», «Николай Крючков», «Игорь Ильинский» — да мало ли у нас замечательных артистов! Почему не дать нашим кораблям такие хорошие имена? И тут же родилась идея запустить в Сену провокационный корабль «Эльдар Рязанов». Сказано — сделано: в одной из передач мы при помощи компьютерных ухищрений такой корабль запустили. И это прошло в эфир: по Сене плыл корабль «Эльдар Рязанов», я благодарил мэрию Парижа за такой подарок, и похоже, все этому всерьез поверили. А потом за «Парижские тайны» французы решили меня наградить орденом, и в посольстве Франции мне нужно было сказать речь. Я был растерган, но сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит: я сказал, что наверняка мне дали орден в порядке утешения, потому что пароход моего имени на Сене утонул. И все это опять привели всерьез, и даже кто-то мне посочувствовал. А еще я сказал: когда советское правительство награждало Софронию, Кочетова и их с ними, было ясно, что награждает за бездарность и верноподданничество. И этим самым расписывалось в том, что ни хрена не понимает в литературе. А в данной ситуации французское правительство доказало, что оно в искусстве разбирается. Так я потопил корабль, получил орден и расстался с «Парижскими тайнами».

— Навсегда?
— Нет. Они теперь вышли на видеокассетах, можно посмотреть...
— Удобно. Но к делу. Вы обещали нам Пьера Ришара!

СЕРГЕЙ КАПЛИЦКИН

обладался и пошел домой, а там телеграмма, что меня и моего друга Ану берут в программу Жоржа Брессона. Друга я не бросил и пошел к Брессону. Так и стал актером, хотя мог стать танцовщиком. Иногда и об этом жалею.

— А почему сыновья не пошли за вами в актеры?
— Не хотели. Пошли в мультики. Один играет на контрабасе, другой на саксофоне. А я иногда сажусь за пианино — но это для них настоящие катастрофы, и они просят: «Папа, уйди, пожалуйста!» Они играют джаз в ночных клубах, а я им горжусь.

— А как они относятся к вашим фильмам?
— Мне там всегда дают пощечины, я падаю, люди надо мной смеются — в детстве их это ужасно оскорбляло. На вопрос: «Нравится?» — они мрачно бурчали: «Да». Одноклассники интересовались: «Ваш отец что, полный идиот?» Дети часто пугают комика с идиотом, когда-то и я удивлялся: «Чепуха такой дурак!». А они страдали. Им бы хотелось, чтобы я играл роли благородные и красивые. Чтобы был как Стадлоне или Шварценеггер. А вот я ну как просто выжить от удовольствия.

— Паша, внук умнее сына?
— Я так ему и говорю: «Твой слуховой отец никогда этого не понимал».

— Итак, вы дважды отец и дважды дед. А сколько раз вы муж?
— Один раз. Ушел от жены и больше не женился.

— И теперь один? Или есть подруга?
— А как же!

Блаженный Ришар, свирепый Денарье

— Своего вечно расставленного героя вы нашли сразу?
— Почти сразу. В самом первом фильме роль у меня была маленькая, но режиссер Ин Робер написал ее специально для меня. Он увидел меня в глазах некоторую наивность и решил, что она ему подойдет. Картина называлась «Блаженный Александр», и я играл блаженного. Робер так и сказал: «Ты не актер, ты — персонаж. В кино тебе нечего делать — нет для тебя ролей. Собери все свои недостатки и сделай из них себе героя». Я так и поступил и написал свой первый сценарий «Расклеванный». Сам поставил фильм и сам в нем сыграл. Потом Ин Робер воспользовался этой моей наивностью в «Высоком блондине в черном ботинке», и это был один из самых крупных успехов во французском кино того времени. Так и началась моя карьера.

— Вас узнают, просят автограф, обнимают, целуют — что вы при этом чувствуете?
— Я счастлив. Когда люди говорят, что им наплевать на популярность, это вранье. Хотя иногда случаются смешные казусы. Как-то молодая немецкая пара с фотоаппаратом о чем-то меня попросила — я решил, что они хотят со мной сняться. Я согласился, но они не стали сниматься со мной, а протянули мне фотоаппарат — оказалось, они всего только просят их запечатлеть на память. А недавно меня остановили за превышение скорости, и пришлось возиться целый час, пока они оформляли штраф. Оформили и сказали: «Знаете, в кино вы смешные». Тут я взорвался: «Держите меня тут столько времени и хотите, чтобы я вам еще и танцевал!»

— Вы похожи на своих персонажей?
— Наверное. Я не умею быть хладнокровным. И я страшный растюпа.

ИЗВЕСТИЯ - 2001 - 6 апр - с. 7
Рязанов и Ришар

В тихой Сене звезды водятся

Место действия: Баржа, пришвартованная у набережной Сены. Здесь, как последний клошар, живет Пьер Ришар. Высокий блондин в черном ботинке встречает автора «Тихих амутов» на палубе.

Ришар (сгордо): Это мой корабль. Я здесь живу. Вот там Национальная ассамблея. А там Эйфелева башня. Слева Лувр и Нотр-Дам...

Рязанов (бестактно): А удобства тут есть? Телефон, электричество?
— Видите, проводки! Под горячая вода, отопление. Внизу два салона. А мой каминчик небольшой. На соседних кораблях тоже живут, мы приветствуем друг друга, когда утром пьем кофе. В Париже люди обычно не знают друг друга, а мы знаем. Жан Марс здесь жил, но очень давно...

— А эта ваша баржа сама плыть может? Или надо тянуть на буксире?
— У меня есть рулевое колесо. Я могу доплыть хоть до Нотр-Дам де Пари! (Это 800 м. — Р.) Но я сам корабль не пожу. Хотя можно взять шкиперы. Мне здесь нравится — я и в центре города, и за городом. Летом завтракаю на палубе, обедаю. Зимой см вниз.

— Зимой не холодно?
— Там же отопление!
— Вид очень красивый. Вы рыбак?
— Здесь много рыбы. Но они плохая. Уже пятьдесят лет в Сене не купаются — вода грязная.

— Почему вам нравится жить на барже, а не в нормальной квартире?
— Люблю воду. Мне кажется, что я не в Париже, а в рыбацком городке. Хожу по палубе босиком и вижу Эйфелеву башню.

— Это дорого — жить на барже в центре Парижа?
— А тут уже просто не осталось мест, где можно поставить корабль. Но вообще-то баржа дешевле, чем апартаменты.

(Мимо проплывает прогулочный катер. Наверное, гид сказал, что на барже живет Ришар, потому что туристы сразу начали спрашивать. Ришар поступает довольно странно. Попирается к катеру спиной, наклонившись, оптопиривает мягкое место и хлопает по нему ладошкой. Пассажиры приходят в восторг и орут еще громче).

Спящий красавец
Место действия: каюта. Собеседники по обе стороны стойки домашнего бара.

— Публика считает вас своим, потому что вы не супермен и внешность неказистая.

— Вот-вот, именно поэтому. Ив Робер так и говорил: ты не самый хороший актер, зато все считают тебя своим. Я ему на это сказал: спасибо за плохого актера. Ничего, говорит, все придет в свое время.

— Любовь зрителей, во всяком случае, пришла.

— Я это понял в России. Ходил по Красной площади, было два ночи. Зима, очень холодно и почти никого вокруг. И вдруг ко мне подбежали три женщины — узнали! Говорили, что очень меня любят, обнимали, просили автограф. Очень возбужденные были женщины. В гости звали.

— Расскажите о своей семье.
— У меня два дедушки: один — аристократ, очень богатый, другой — итальянский эмигрант, едва говорил по-французски. Он пришел во Францию пешком, таскал рельсы, был чернорабочим. Так что я провел юность между двумя дедушками: один рассказывал о пороках охотничьих собак, другой учил ставить браконьерские силки на кроликов. Поэтому я могу приспособиться к любой среде.

— Но ваши родители развелись — это тоже оставило какой-то след?
— Когда это случилось, я даже еще не родился. Хотя если бы они расстались до моего зачатия, я не знаю, с кем бы вы сейчас беседовали.

— Пьер, надо оправдать миссионеру. Вот вы сейчас сидите за стойкой в позе бармена, я — в позе клиента. И я знаю, что у вас есть замок, который называется Шато Вешвик, и там есть виноградики. И вы даже выпускаете свое вино. Может, не будем сидеть везуху? У вас не найдется бутылочки своего производства?
— Конечно. Я никогда в таких вещах не отказываю. Вот розовое вино.

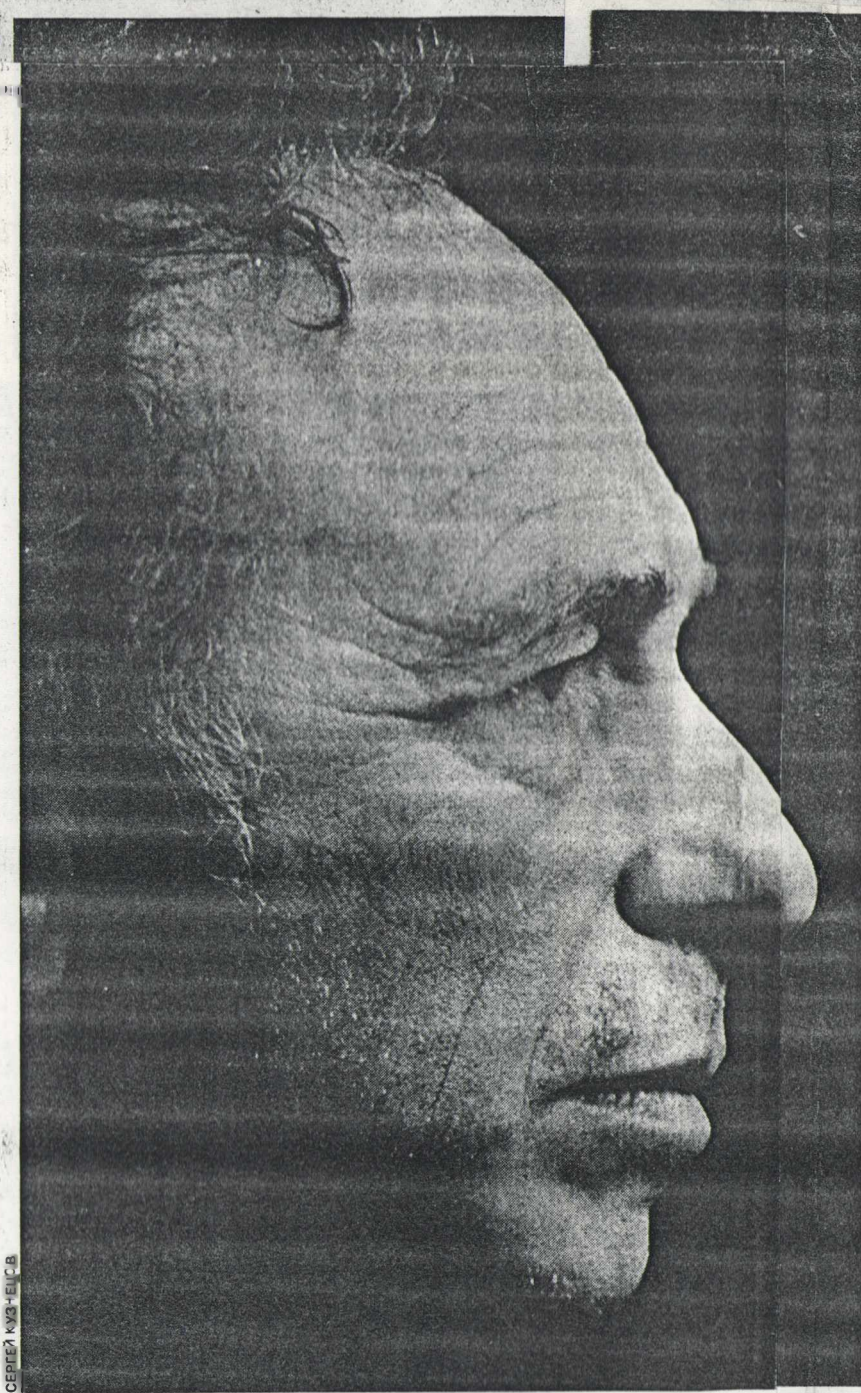
— Пока я открываю, можете рассказывать про свои виноградики.
— Отец обожал хорошие вина. И каждый раз за обедом я пил хорошее вино. А мне было лет четырнадцать. Потом я возвратился в класс и немедленно засыпал за партой. Учитель знал, что будить меня бесполезно, давал поспать полчаса, потом тормозил: «А теперь немного поучимся». Я смолodu разбирался в винах, хотя покупать хорошее вино мог не всегда. Молодой актер — денег мало. Зато когда стал хорошо зарабатывать, отпел душу. А вино, которое мы делаем, — простое, розовое. Его на юге много пьют — оно утоляет жажду.

— Между съемками живете у себя в имени?
— Между съемками — да. У меня дом на юге, кругом пруды, за прудами море. Крутом вода! Но дождя почти не бывает, и выпаривать там можно только виноград. И я делаю вино — красное и розовое.

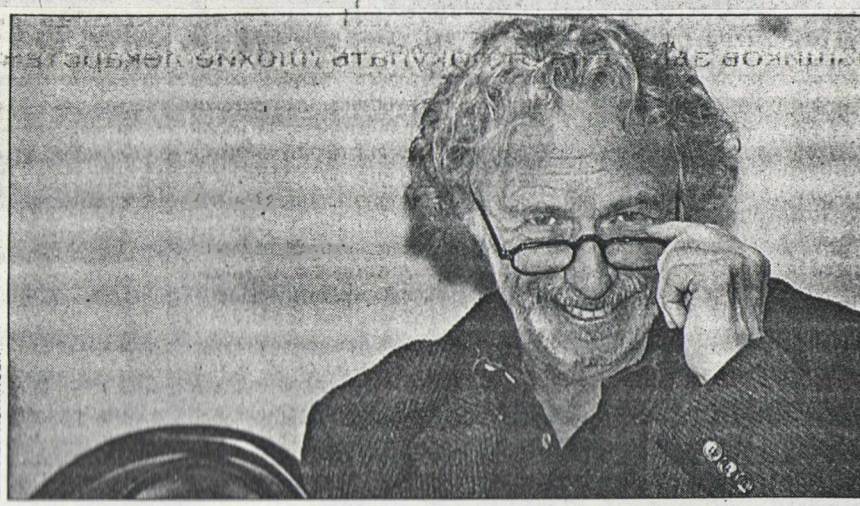
— Неужели для продажи?
— Конечно. Это ведь 60 тысяч бутылок в год — я за всю жизнь столько не выпью.

— Вот интересно: как родители приняли вашу идею пойти в актеры?
— Ужасно были недовольны. И даже надолго прекратили со мной всякое общение. Я учился у Жана Вилара, одного из самых замечательных режиссеров Франции. У него был свой театр, и ученики участвовали в массовках. Я изображал то монаха, то солдата; роли были, конечно, без слов, но мы все равно довольлись, потому что видели великих актеров и режиссеров — Жерара Филипа, Робера Брессона, самого Вилара... Увы, я заснул на сцене, и меня выгнали из театра.

— Что, опять вино?
— Я был солдатом в «Макбете». Только что закончилось сражение, и мой солдат умер. Так я некоторое время лежал мертвым, а потом уснул. Тем временем закончилась картина, в темноте сменили декорацию, а я все спал, и никто меня не заметил. Дали полный свет, и я оказался в королевской опочивальне, прямо возле роскошного ложа. В постели — леди Макбет (ее играла великая Мария Казарес), а я так и лежу внизу на полу.

ОЛЬГА УМАШЕНКО

МАТЮСЬ ПОГНИНОВА

ГРИГОРИЙ БЕЗАНОВ

ОЛЬГА УМАШЕНКО

ПЬЕР РИШАР — актер профильный. Или профилирующий. В каждом своем фильме он определяет физиономию всего произведения. Его мимика — его богатство. Со стороны может показаться: мелочев гримасничает — посмотрели бы мы на себя в таких ситуациях! На этих снимках — хроника необыкновенных приключений француза в России. Даже из немногих фото совершенно ясно, что это человек с тысячей лиц, профессий и, конечно, профилей.

Ужасно растерялся, немного подумал и тихо пополз за кулисы. За кулисами меня встретили и тут же выгнали... (Скорбная пауза.) Я всегда сплю, когда не нужно.

Зарытый талант
— Я слышал, что однажды вас взяли и в блет Мориса Бержара, и в спектакль Жоржа Брессона одновременно — как это получилось?
— Ну, меня же выгнали, а оказался на улице. Надо было что-то искать. А я хорошо танцевал. Никуда этому не учился, но мог поднять ногу выше любого профессионала — у меня была прекрасная растяжка. А Морис Бержар как раз искал актеров, которые могут танцевать, и я решил, что тут моя судьба. На просмотре делал черт-те что, и Бержар меня взял — единственного из всех. Я

— Эльдар Александрович, как вы понимаете, байки на Сене могут продолжаться бесконечно. Но вы хоть о чем-нибудь серьезном с Ришаром говорили? О политике там, экономике, философии хотя бы?
— Ришар серьезный, разве не заметно? А насчет политики — там у него на якте висит портрет Че Гевары. Пьер даже сделал о нем документальный фильм. По чистейшему велению души. Мы о Че немного поговорили — им ведь восхищалась молодежь всего мира. Ришар считает, что это один из самых мифических персонажей века. Он испытывал к Че Геваре что-то вроде страсти и, когда появилась возможность поехать на Кубу, снял о нем картину. Встречался там с его отцом, женой и дочкой, с друзьями детства и его бойцами.

— А что, театр Ришар бросил окончательно?
— Он туда вернулся после двадцати лет отсутствия. Ему хотелось увидеть перед собой публику, ее реакцию. Для актера сцена значит очень много — на сцене волнуешься больше, чем в кино. Потому что нельзя сделать второй дубль. Сидят люди, смотрят на тебя, смеются, происходит энергетический обмен. В кино такого нет. Любый актер, который это однажды узнал, будет о театре тосковать всю жизнь. Ришару захотелось испытать это снова, он всю зиму провел в гастрольной поездке и, по его утверждению, объездил семьдесят семь французских городов.

— Не уже не с «Макбетом», надеюсь?
— Есть такой французский автор начала XX века — Федо. Он писал смешные пьесы, почти водевили. У Ришара своя теория комического. Смешное, говорит он, — это трагическое с другой точки зрения. Это когда автор умеет трагическое поставить перед кривым зеркалом и сделать его забавным.

— Какой из ваших вопросов Ришару был самым банальным?
— Я спросил, чего он в жизни не любит. Не любит он политиков и тех, кто рвется к власти. Любит нормальных людей. «Таких, как вы и как я», — вот так и сказал.

— Он производит впечатление человека довольного своей судьбой?
— Он производит впечатление человека, который умеет быть счастливым. Счастье надо в себе растить. Он его постоянно ищет в себе и других — вот и секрет.

— Он кажется самодовольным?
— Его главная черта — способность к самонаиронии. Знаете, что он сказал о себе? «Я достаточно глубок, чтобы понять, что мне не хватает глубины». Немногие могут такое себе позволить... Продолжение сериала в следующей пятнице. Эльдара Рязанова ждет в гости Шарль Азнавур. Язык и лирические масс, вопросы и приветия принимаются по телефону-автоматчику (095) 200-3083, факсу (095) 209-3620 и электронному адресу kichin@izvestia.ru.

Сериал ведет Валерий КИЧИН